

**Зрительное и слуховое восприятие исчезновения
(на материале русского языка)**

В настоящей статье, основанной на материале, который извлечен из словарей русского литературного языка и говоров, объектом анализа являются мотивационные отношения между семантическими полями исчезновения и перцепции: во внутренней форме (ВФ) достаточно большого числа языковых единиц находит отражение участие зрения и слуха в восприятии исчезновения (единственный пример участия в номинации какого-либо иного вида восприятия (обонятельного) – литер. *ни слуху ни духу* ‘нет никаких известий’ [СРФ: 533], правда, речь здесь идет об отсутствии, не всегда связанном с исчезновением). В данном случае интерес представляют не только семантические связи, которые в силу своего отражательного характера в целом достаточно прозрачны, или семантическая реконструкция отдельных «темных» лексем, но также соотношение признаков номинации, относящихся к зрительному или слуховому коду (как соотносятся признаки, принадлежащие одному из них, т.е. какова структура данного кода, насколько симметрично организованы зрительный и слуховой коды). С последним вопросом связан также вопрос о том, как имеющиеся номинативные признаки характеризуют мотивирующее поле перцепции и мотивируемое – исчезновения (ср. хотя бы постулат о первенствующем положении зрения и слуха среди других видов восприятия).

Прежде всего следует отметить, что объектом номинации является не только процесс исчезновения (способ действия), но и его субъект – исчезнувший (-ее), который (-ое) в буквальном смысле оказывается вне поля зрения номинатора: литер. (устар.) *исчезнуть* (*скрыться, пропасть*) *из глаз* [НОСС 1: 29], диал. костром. *в завидях нету, в завистях* (удар.?) *нету* ‘нет, пропал’ [СРНГ 9: 315, 318], волог. *и завиданья нет* ‘о полном исчезновении кого-, чего-л.’ [КСГРС], карел. *и в повиданье нет* ‘исчезло, ушло, нет и в помине’ [СРГК 4: 591]. В сиб. *не найти ни днем с огнем, ни вечером с лучиной* ‘о том, что исчезло, пропало’ [ФСРГС: 118] репрезентируется идея невозможности увидеть пропажу, каким бы ни было освещение – хорошее днем или плохое вечером (это выражение представляет собой результат языковой игры, возникшей при буквальном прочтении ВФ разг. *днем с огнем* ‘с величайшим трудом (можно найти, отыскать и т.п.) кого- или что-л.’ [ФСРЛЯ 1: 204]: днем и без огня хорошо видно, а вечером и без лучины – плохо).

В качестве параллели к «зрительной» номинации исчезнувшего можно рассматривать диал. волог. *в слухах нет* ‘в помине нет’ [КСГРС], арх. *(и) в слухах нет (не было)* ‘совсем нет никаких признаков наличия, существования кого-, чего-л.’ [АОС 5: 120–121]. Обращает на себя внимание то, что номинации смежных явлений – отсутствия и исчезновения кого- или чего-либо – распределяются по каналам перцепции: зрительное восприятие исчезнувшего и на слух – отсутствующего. С учетом известного противопоставления зрения и слуха по степени абстрактности/ конкретности воспринимаемой с их помощью информации можно предположить, что в оппозицию по этому параметру входят и значения ‘отсутствовать, не существовать’ и ‘прекратить существование, исчезнуть’¹. В то же время необходимо учитывать, что оппозиция данных значений имеет место только при условии их четкой дифференциации, тогда как лексикографические описания не позволяют в полной мере судить о том, является ли значение ‘исчезнуть’ самостоятельным или входит в состав более широкого ‘отсутствовать’. Ср. тем не менее диал. донск. *нет призраку* кого-л. ‘бесследно исчез кто-л.’ [СРДГ 3: 57; СРНГ 31: 230] и литер. *ни слуху ни духу* ‘нет никаких известий’ [СРФ: 533], пск. *ни гулу ни слуху, ни слуху (слыху) ни послуху (послы ꙗха)* ‘то же’ [СПП 33: 70], мурманск. *ни гласу ни послуханья* ‘ни слуху ни духу’ [СРГК 1: 338], которые имеют однозначные дефиниции и, как кажется, непротиворечиво свидетельствуют о том, что отмеченная семантическая оппозиция действительно существует и проявляется в выборе признака номинации – канала перцепции (зрительного или слухового).

Сравнение *нет призраку* кого-л., *ни слуху ни духу, ни гласу ни послуханья*, с одной стороны, и *в завѣдах нету, в слухах нет* и т.д., с другой, обнаруживает различие в позициях номинатора: в первом случае за точку отсчета при восприятии исчезнувшего принимается объект номинации (отсутствие доступных восприятию признаков), во втором – субъект (недоступность для восприятия).

В ряде случаев визуальный признак еще «более» конкретен, т.е. отделяется вполне конкретным предметным содержанием: диал. ср.-урал. *сгореть и дыма нет* ‘пропасть бесследно, кануть’ [КДЭИС], сиб. *ни пены, ни пузыря* ‘пропал, бесследно исчез’ [ФСРГС: 133], новосиб. ‘совсем ничего’: «У нас конь пропал. В милицию заявили, ничего неизвестно, ни пены, ни пузыря» [СРНГ 25: 336], перм. *ни пены, ни пузырьев (пузырев)* ‘бесследно’ [СРНГ 25: 336], новг. *чисто-чѣредно* ‘об исчезновении кого-, чего-л.’: «Положишь, бывает что-нибудь, а потом придешь – и нет его, обобрано уж»; «Чисто-чѣредно, умерла» [НОС 12: 62]. Как видим, подобная конкретизация номинативного признака ста-

новится возможной благодаря указанию на способ исчезновения: стогреть, утонуть (ср. литер. *тонуть* ‘становиться незаметным, невидимым среди чего-л.’ [МАС 4: 381], укр. *як у тань тане* ‘бесследно исчезает’, где *тань* – отглагол. сущ. от *тонуть* [Коваль 1998: 82–83]) или стать убранным, «убраться» (см. *чередить* ‘убирать, приводить в порядок’ [НОС 12: 45]¹). Таким образом, данные словосочетания совпадают с приведенными выше *нет призраку* кого-л., *в завидях (завистях) нету*, *и завиданья нет*, *и в повиданье нет* по мотивировочному признаку (‘невидимый, недоступный зрению’) и отличаются по своей ВФ, что не позволяет относить их к единицам собственно зрительного кода, понятию, разумеется, значительно более узкому, чем соответствующий тип первичной мотивации.

Если для визуальных номинаций исчезнувшего актуальным является признак ‘не оставив следа, бесследно’, то при наблюдении за исчезновением актуализируется признак быстроты совершаемого действия: разг. *только (его, ее и т.п.) и видел (видели)* ‘внезапно и бесследно исчез кто-л.’ [ФСРЛЯ 1: 79], диал. новг. *пока и свет видал* ‘очень быстро исчезнуть’ [НОС 10: 21] и донск. *мигнуть* ‘исчезнуть (о человеке)’: «Ни видала, где и мигнул; как моланья, быстрый» [СРДГ 2: 137]. В основе разг. *только (его, ее и т.п.) и видел (видели)* и его диалектного коррелята лежит, по-видимому, то же действие ‘мигнуть, мелькнуть перед глазами’, хотя сам гл. *мигнуть* ‘исчезнуть (о человеке)’ может быть истолкован двояко. С одной стороны, сравнение того, кто исчез, с молнией акцентирует смысл ‘сверкнуть, как молния’: употребленное в контексте сразу же после гл. *мигнуть*, оно вполне могло быть «наведено» его значением, ср. разг. *только пятки сверкают (засверкали)* ‘кто-л. стремительно убегает, очень быстро бежит’ [ФСРЛЯ 2: 172] и пск. *только пяты (пятки) замигали* ‘кто-л. побежал, бросился бежать’ [ПОС 11: 328]. См. также рус. диал. *t’ignut* ‘сверкнуть, блеснуть’ [Słown. starowieńców – ЭССЯ 19: 29], блр. *мігнуць* ‘сверкнуть, мигнуть’, сербохорв. *ми ђгнути* ‘сверкнуть’, словц. *mihniút* ‘то же’, словен. *t’ignQc* ‘блеснуть’ [ЭССЯ, там же]. С другой стороны, ВФ идиомы *только пятки сверкают (засверкали)* такова, что показывает тесную взаимосвязь семантики мелькания и сверкания, состоящих из прерывистых, непостоянных движений; это в равной степени относится и к миганию – взять хотя бы *мигнуть* в значении ‘моргнуть’¹. В гнезде праслав. **migati*, **mignQti* идея движения может реализовываться и непосредственно как перемещение в пространстве: рус. диал. *мигануть* ‘мелькнув, быстро скрыться’ (пск., твер., смол., новг.) [СРНГ 18: 255], сербохорв. *ми ђгнути* ‘шмыгнуть’, словц. диал. *t’ignis*, *t’ignič* ‘удрать’ [ЭССЯ 19: 29]¹, ср. перм. *моргануть* ‘убежать, скрыться

(обычно внезапно, быстро)’, тул. *моргнуть* ‘убежать, побегать, скрыться’ [СРНГ 18: 255]. Синкретизм исходной семантики мигания делает условным по отношению к выражениям *только* (*его, ее* и т.п.) и *видел* (*видели*), *пока* и *свет видал* и гл. *мигнуть* разграничение «от-субъектных» и «отобъектных» наименований, принято выше.

Однако субъект восприятия не только может занимать позицию пассивного наблюдателя, созерцающего чье-либо исчезновение, но и способен выступать в роли активного деятеля, каузирующего этот процесс, – так, кажется, можно интерпретировать диал. свердл. *зинуть* ‘пропасть бесследно, кануть’: «Ушел и как зинул» [СРГСУ 1: 193]. Гл. *зинуть* произведен от *зиять*: «при исходной семантике ‘открывать / быть открытым’ в русских говорах эти глаголы широко употребляются в значении ‘глазеть, смотреть’: см. *озеить, озеть, озеть* ‘глазеть’ [СРНГ 23: 88, 93]» [Варбот 2002: 236]. Родственное гл. *зевать зинуть* фиксируется также в значениях, отражающих народные представления о возможности передачи порчи через открытые глаза, рот, см. прм. *зинуть* ‘озевать кого-либо, изурочить глазом, сглазить’: «Люди на лес не зинут, лес не сгинет»; «Касьян завистливый (лихой), на что ни зинет, все сгинет» [Даль 1: 683]. См. также *зинуть* ‘посмотреть на кого-л. дурным глазом, несвоевременно похвалить кого-л. с целью сглазить, причинить зло’ (перм., волог., ср.-урал.) [СРНГ 11: 283], ‘сглазить, «изурочить»’ (свердл.) [СРГСУ 1: 192]. Необходимо, однако, иметь в виду, что взгляд и зевание в силу той же причины – открытости для контакта – являются не менее опасными для самого субъекта (того, кто смотрит или зевает): см. существующий в народной традиции запрет откликаться на голос или оборачиваться в ту сторону, откуда он слышен, поскольку этим человек открывает доступ к себе нечистой силе [Левкиевская 1999: 60]; кликушество приписывалось бесам, вселившимся через не перекрещенный рот во время еды или зевоты и т.п. [СД 2: 305].

Своего рода аналогом номинативной «визуализации» исчезновения предстает его звуковая инструментовка с помощью звукоподражательных глаголов и междометий: диал. арх. *гигать* ‘подзывать овец’ и *гигнуться* ‘исчезнуть, пропасть’, *гикать* ‘ритмично постукивать, тикать’ и *гикнуться, гипнуться* ‘исчезнуть, пропасть’ [АОС 9: 65, 66], арх. *сгикать* ‘исчезнуть, пропасть’ [КСГРС], *кикать* ‘кричать (о птицах)’ (южн.-сиб., волог., арх., беломор.), ‘кричать, понукать животное, гикать’ (волог.) и т.п. и волог. *кикнуть* ‘неожиданно пропасть, исчезнуть (о какой-л. вещи)’ [СРНГ 13: 204], арх., волог. ср.-урал. *скикать* ‘исчезнуть, пропасть, перевестись’ [КСГРС; КДЭИС], *микнуть* ‘издать звук «му» (о корове, теленке)’ и ‘затеряться, пропасть’ (орл.) [СОГ 6:

131], ‘исчезнуть надолго’, ‘исчезнуть надолго’ (Мордов. АССР) [СРГМ М–Н: 26] и др.; разг. *фюйтъ, фьють* ‘употребляется для обозначения удаления, исчезновения кого-, чего-л.’ [МАС 4: 589] и карел. *тик* ‘исчезновение чего-н., конец чему-н.’ [СРГК 4: 506]¹. Сходные по своей ВФ (‘издать звук при исчезновении’¹), звукоподражания достаточно неоднородны в мотивационном отношении, так как могут реализовывать разные номинативные модели.

Значение ‘пропасть’, как правило, формируется на базе семантики действий разрушительного характера – толчка, удара (в т.ч. при падении): арх. *вякнуть* ‘ударить, стукнуть’, ‘издать звук при ударе’ и ‘исчезнуть, пропасть’ [АОС 9: 13], *ёкать, ёкать* ‘раздаваться, ухать, разрываясь с грохотом, с глухим звуком’, ‘ударять, бить с силой’ и *ёкать* ‘исчезать, пропадать’ [СРНГ 8: 384], арх. *кы’кать* ‘колотить, стучать’ и волог. *кы’кнуться* ‘исчезнуть, пропасть’ [КСГРС], *ля’снуть* ‘щелкнуть, лязгнуть’ (курск., тул., тамб., калуж. и др.), ‘сильно ударить кого-л.’ и ‘пропасть’ (зап.-брян.), *ля’снуться* ‘удариться, стукнуться обо что-л.’ (тамб., твер., зап.-брян., ворон. и др.) и ‘пропасть зря (о строении, богатстве и т.п.)’ (ворон.) [СРНГ 17: 284], *пля’скаць* ‘хлопать, шлепать, ударять’ (Лит. ССР, Латв. ССР, Эст. ССР) и *пля’снуть* ‘пропасть, погибнуть (о растениях)’ (Лит. ССР), ‘растратиться, израсходоваться (о деньгах)’ (Лит. ССР) [СРНГ 27: 176], *пéкнуть* ‘ударить, шлепнуть; толкнуть кого-, что-л.’ (пск., твер., смол., тул., Лит. ССР), ‘уронить, свалить что-л.’ (пск.) и ‘пропасть’ (орл.) [СРНГ 25: 318].

Если на базе семантики падения развивается значение исчезновения (а это одна из наиболее продуктивных моделей, см. хотя бы *пропасть*), переходными звеньями могут служить смыслы ‘провалиться’, ‘скрыться из виду’: простореч. *ухнуть* ‘упасть, свалиться, провалиться’ и ‘сразу, неожиданно утратиться, пропасть’ [МАС 4: 540], диал. вят. *кулырнуть* (удар.?) ‘упасть’ и ‘внезапно исчезнуть’ [СРНГ 16: 72]. Ср. арх. *грянуть* ‘упасть с шумом, рухнуть’ и ‘умереть’, т.е. ‘упасть, умерев’ [АОС 10: 122].

Разг. *фюйтъ, фьють* и диал. ср.-обск. *свистнуть* ‘исчезнуть’ [СРСГО-Д 2: 173] демонстрируют модель мотивации ‘переместиться так быстро, что заставить «свистеть» воздух вокруг’, ср. пск. *только нога свищет* ‘о быстро и легко идущем, бегущем человеке’ [СПП: 56], арх. *высвистнуть* ‘удалиться, исчезнуть из глаз, сбежать’ [АОС 8: 182], перм. *усвистать* ‘уйти, уехать’ [СПГ 2: 482]. С учетом того, что свист также производится резким движением воздуха, ветром, можно отметить семантическую переключку дериватов гл. *свистеть* с такими номинациями, как разг. *ищи (свищи, догоняй) ветра в поле* ‘о бесплезных поисках, преследовании’ [МАС 1: 158; ФСРЛЯ 1: 285] (как

отражающее представления восточных и западных славян о том, что ветер можно было вызвать свистом [СД 1: 358], т.е. совершая производимые им действия), лит. *как (словно, точно) ветром сдуло* ‘о внезапном исчезновении кого-, чего-л.’ [МАС 1: 158], *выветриться* ‘исчезнуть, уничтожиться под действием ветра, свежего воздуха’, ‘(обычно в сочетании со словами: «из памяти», «из головы») забыться’ [МАС 1: 248] и т.п. В то же время не исключено, что значение гл. *свистнуть* является контекстно обусловленным и мотивированным простореч. *свистнуть* ‘украсть’ [МАС 4: 51]: «Как хлопцы сядут, так булочка и свистнет».

Диал. ленингр. *только пискнуть* ‘быстро исчезнуть’ [СРГК 4: 519], по-видимому, столь же неоднозначно в плане мотивации: хотя ВФ указывает на мотивировку ‘только вскрикнул; успел лишь вскрикнуть’¹, контекст «Семья были большие, картошки наварить, и только пискнет это блюдо» позволяет сблизить данное выражение с гл. *свистнуть* в одном из его основных значений. Ср. также перм. *в́инуть* ‘быстро исчезнуть, пропасть’: «Голодные были, дак со стола токо виноло» [СПГ 1: 103] и свердл. *в́инуть* ‘подуть, повеять’ [СРГСУ-Д: 71], перм. *винуть* ‘дунуть, повеять (о ветре)’ [СРНГ 4: 290]. Вместе с тем сравнение с новг. *пищать за зубами* ‘о пище, которую едят с большим аппетитом’ [СРГК 3: 527], пск. *только за ушами пищит (хвищит)* ‘о человеке, который много и с аппетитом ест’ [СПП: 76] обнаруживает референтную ограниченность и этого глагола – однокр. *пискнуть*: исчезнуть, будучи съеденным (о пище).

Что касается признака мотивации ‘только вскрикнул; успел лишь вскрикнуть’, то он наиболее вероятен, конечно, не столько для значений ‘пропасть, исчезнуть’, сколько для близких им ‘умереть, погибнуть’, денотатом которых являются живые существа, могущие издавать звуки с помощью голосовых связок: диал. ворон. *авкнуть* ‘погибнуть, умереть, исчезнуть с лица земли’ [СРНГ 1: 198], *зукнуть* ‘издать сильный звук’ (ленингр., карел.) и *зукнуть* ‘пропасть, погибнуть’ (новг.) [СРГК 1: 412], арх. *зунуть* ‘сказать, вымолвить, промолвить’ и ‘лишиться жизни, погибнуть’ [АОС 10: 156], влад., твер., яросл. *кэ́кать* ‘издавать звук (вскрикнуть, крикнуть) при падении, толчке, от сильной боли и т.д.’ и влад. *кэ́кнуть* ‘погибнуть, пропасть, умереть’ [СРНГ 13: 176], перм., костром. *кёркать* ‘издавать особый горловой звук (о человеке)’ и твер. *кёркнуть* ‘умереть, пропасть, погибнуть’, смол. *керк* ‘о резком сиплом звуке при испуге’ и *керк* ‘погибнуть’ [СРНГ 13: 187]¹ и др. Хотя такое «звуковое поведение» человека (или другого живого существа) выглядит весьма правдоподобно и убедительно, нелишне также заметить, что, согласно народным верованиям,

нарушение запрета откликаться на голос, о котором шла речь выше, могло повлечь за собой гибель человека, обнаружившего себя пере лицом нечистой силы. Так, при встрече с русалкой «говорыты нэ можно. Что-нибудь скажешь – сразу умрэш» [Левкиевская 1999: 59]; наверняка бы погиб человек, отправившийся в купальскую ночь за цветком папоротника, если бы отозвался на оклики нечистой силы [Агапкина 1999: 44]. Конечно, вряд ли подобные представления следует рассматривать в качестве прямого этнокультурного источника модели ‘вскрикнуть’ → ‘умереть, погибнуть’, но определенную смысловую поддержку они ей вполне могут оказывать.

Вместе с тем для целого ряда звукоподражательных глаголов, таких как приводившиеся выше диал. *гигнутья, гикнутья, гиннутья, сгикать* и др., трудно найти какое-либо бытийное объяснение, для других же, напротив, затруднителен выбор одного мотивационного решения: см. *свистнуть, только пискнуть*, а также диал. *мя'кнуть* ‘издать громкий резкий звук’ (волог.), ‘упасть, свалиться’ (арх.), ‘бросить, метнуть’ (карел.) и ‘неожиданно исчезнуть из виду’ (волог.) [СРГК 3: 282]. И то и другое вообще вряд ли целесообразно, семантическая реконструкция не только этих звукоподражаний, но и рассмотренных выше представляется в известной степени избыточной, поскольку значение ‘пропасть, исчезнуть’ вполне отвечает экспрессивной семантике звукоподражаний. Этим, в частности, объясняется такая популярность звукоизобразительных средств при номинации исчезновения: их можно было бы без преувеличения назвать звуко-символическими, так как они направлены прежде всего на передачу общей эмоциональной оценки субъектом речи. То, что «звуковой символизм» оказывается представленным преимущественно диалектными данными, связано с тем, что в системе говоров в силу более экспрессивного характера устной речи ономастопея распространена гораздо более широко, чем в литературном языке.

Еще более символично, как кажется, производное от незвукоподражательного (а только обозначающего звук, звучание) гл. *петь* – см. диал. *попеть* ‘исчезнуть, пропасть’ (тул., брян.), ‘погибнуть’ (брян., калуж.): «Так лошадь и попела, грозой ее убило»; «Жизнь его попела ни за понюх табаку», ‘не состояться’ (тул.): «Попела твоя поездка в Тулу, завтра коров стеречь пойдем» [СРНГ 29: 312]. Если отталкиваться от первых двух значений глагола, то достаточно обоснованным будет предположение о том, что перед нами результат своего рода языковой компрессии разг. *песенка (песня) спета* ‘наступил (или наступает) конец чьей-л. карьеры, жизни’ [ФСРЛЯ 2: 86], связываемого с обрядом отпевания умершего в церкви [СРФ: 440]. В то же время небе-

зынтересна семантическая переключка диал. *попеть*, особенно в значении ‘не состояться’, с разг. *плакать* ‘оказываться не осуществленным (о чем-л. ожидаемом, желаемом)’ [МАС 3: 131], см. также литер. *плакали денежки* ‘о неудачно потраченных деньгах, о пропавшем за кем-л. долге и т.п.’ [МАС 1: 386], в основе которых лежит идея оплакивания, плача, тесно связанная с пением-отпеванием. Слова соответствующих семантических групп входят в славянских языках в лексическое поле обрядового голошения: см. рус. *плакать*, *плакать голосом*, *плач плакать*, *плакать приревом*, *плаканье*, *реветь*, *гудать*, *гудеть* и т.д.; серб. *плач*, *плакати*, *плаканье*, *ридање*; черногор. *лелек*, *залелекати*; болг. *плач*, *плачене*, *оплакване*; кашуб. *plakac*; блр. *плакаць*, *праплакаць на голас*; укр. *приплакувати*, *ревти* и рус. *напевать*, блр. *спяваць*, серб. *запевати*, *запеваља*, *запевке*, *жалопожке*, болг. *припяване* [Толстая 1999а: 145–146].

Наряду с приемами «визуализации» и «озвучивания» (или «звукотипии») для обозначения процесса исчезновения используются и диаметрально противоположные им образы темноты и тишины, молчания, коррелирующие с рассмотренной вначале номинативной моделью недоступности для восприятия (‘невидимый’, ‘неслышимый’).

Модель ‘перестать быть видимым, светить(ся)’ → ‘исчезнуть’ представлена литер. (устар.) *стушеваться* ‘незаметно исчезнуть, уйти, удалиться’ [МАС 4: 296], см. спец. *стушевать* ‘тушуя, сделать постепенным и незаметным переход от темного к светлому’ [там же], но преимущественно – дериватами глаголов с семантикой угасания: *меркнуть* – диал. костром. *измёркать* ‘пропадать, исчезать, тая или высыхая’ [СРНГ 12: 145], *померкнуть* ‘стать незаметным, исчезнуть’ (р. Урал) [СРНГ 29: 206]; *гаснуть* – волог. *сгаснуть* ‘исчезнуть, пропасть’: «Теперь это озеро сгасло, зарыли» [КСГРС], ‘пропасть без вести, погибнуть без слуху’ и *угаснуть* в контексте «Все книги сгасли, одна книга не угасла» [Даль 4: 163]; *тухнуть* – донск. *потухнуть* ‘исчезнуть надолго, пропасть’: «Ванька потух, пропал, долго нет» [СРНГ 30: 318]. В других случаях значение ‘исчезнуть’ у этих глаголов развивается за счет актуализации семы уменьшения (‘полностью прекратиться, сойти «на нет»’): *угаснуть* литер. ‘уменьшаясь, ослабевая по силе, степени проявления, прийти к концу, утратиться, исчезнуть’ [МАС 4: 455], диал. урал. ‘иссякнуть (о роднике, источнике)’ [СРНГ 27: 290]; волжск. *помрачатся* ‘выводиться, уменьшаться в числе, исчезать (о рыбе)’ [СРНГ 29: 231]¹, ср. *помрачить* ‘прекратить, окончить что-л.’ (астрах., Башк. АССР), *помрачиться* ‘завершиться, окончиться’ (сарат.) [там же]; литер. *потухнуть* ‘прекратиться, исчезнуть’ [МАС 3: 337], ср. диал. (р. Урал) *потухнуть* ‘окончиться, завершиться (о свадь-

бе)» [СРНГ 30: 318], волог. *идти на истух* ‘ухудшаться, идти на убыль’ [СВГ *И–К*: 28]; свердл. *притушиться* ‘исчезнуть, пропасть, перевестись’: «Не стала грудью-то кормить, молоко-то притушилось» [КДЭ-ИС].

В литературном языке с помощью этой модели описываются явления интеллектуально-эмоциональной сферы: *меркнуть* ‘терять силу, ясность, отчетливость (о мыслях, сознании, способностях и т.д.), исчезать’ [МАС 2: 254], *гаснуть* ‘ослабевать, исчезать (о чувствах, чаяниях и т.п.)’ [МАС 1: 301], *погаснуть* ‘исчезнуть, заглохнуть (о чувствах, мыслях и т.п., недавно ярко, бурно проявлявшихся)’ [МАС 3: 165], – исключение составляет диал. ворон. *замеркнуть* ‘угаснуть, пропасть’: «Чувство замеркло» [СРНГ 10: 241]. Если говорить о причинах такой специализации, то необходимо учитывать не только специфику кодирующего устройства – литературного языка, «приспособленного» к описанию абстрактных понятий, но и способы концептуализации тех из них, которые относятся к интеллектуально-эмоциональной сфере. С этой точки зрения целесообразно различать способы языкового выражения концептов интеллектуальной деятельности и эмоций: предикатом мыслей, сознания, способностей и т.д. являются оба глагола – *меркнуть* и *гаснуть*, предикатом чувств – только *гаснуть*, т.е. гл. *меркнуть* входит в привативную оппозицию к гл. *гаснуть*. Этот же тип отношений характеризует первичные значения глаголов: ср. *меркнуть* ‘переставать светить, быть светлым; гаснуть’ [МАС 2: 254] и *гаснуть* ‘переставать гореть, светить; тухнуть, затухать’ [МАС 1: 301]. Таким образом, производные гл. *гаснуть* и *меркнуть* отражают восприятие интеллектуальной деятельности через «зрительную» метафору света (ср., например, *светлая мысль, светлый ум и туман в голове, морочить голову, обморок*)¹ и восприятие эмоций через метафору света и/или огня, в основе которой внешние (телесные) проявления внутренних состояний человека (см., с одной стороны, *светиться* ‘проявляться, внешне обнаруживаться (о каких-л. чувствах, переживаниях и т.п.)’ [МАС 4: 46], *сиять* ‘ярко проявляться, обнаруживаться (о чувствах)’ [МАС 4, 100] и т.п., с другой – *огонь* ‘(в сочет. с сущ. «любовь», «негодование» и т.п.) чувство, с силой овладевшее кем-л., охватившее кого-л. и т.п.’, *сердце загорелось, душа (кровь) загорелась* [МАС 1: 587, 511] и т.п.)¹.

Но свет и огонь – это еще и атрибуты и символы самой жизни, поэтому *угаснуть* (литер.) означает ‘слабеть, терять жизненные силы, перестать жить, умереть’, ‘прийти в упадок, перестать существовать’: «Дворянский род угас» [МАС 4: 455]. См. также диал. яросл., арх., моск., калуж. и др. *погаснуть* ‘умереть, погибнуть (о человеке, живот-

ном, растении) [СРНГ 27: 290], калуж., пенз., ульян. *изгаснуть* ‘погибнуть, пропасть, околеть’ [СРНГ 12: 115], новг., ленингр., карел. *затухнуть* ‘умереть, погибнуть’ [СРГК 2: 221] (хотя оно может быть мотивировано значением ‘задохнуться, умереть от недостатка воздуха’, фиксируемого у этого глагола (волог., карел.) [там же]), сарат. *помрачиться* ‘умереть’ [СРНГ 29: 231]¹. Об устойчивости связи между значениями ‘переставать гореть, светить’ и ‘умирать’ свидетельствует возможность обратного семантического перехода: новг. *замереть* ‘погаснуть, потухнуть’ [НОС 3: 48].

Наряду со светом проявлением чьего-либо существования оказывается звук: см., к примеру, литер. *грянуть* ‘внезапно, с силой начаться, разразиться’ [МАС 1: 354], диал. карел. *брякнуть* ‘неожиданно наступить’ [СРГК 1: 127], карел. *взгреметь* ‘появиться’ [СРГК 1: 193] и др.¹ При том параллелизме, который в целом характерен для «зрительных» и «слуховых» моделей (‘невидимый’ – ‘неслышимый’, ‘перестать быть видимым’ – ‘слышимым’, ‘мелькнуть перед глазами’ – ‘издать звук’), все же вторичные значения глаголов, производных от *молчать*, *тихнуть*, в большей степени сохраняют связь с исходной семантикой, накладывающей ограничения на их референцию (относятся к тому, что может быть произнесено, высказано или издает звуки, производит шум). Так, литер. *замолкнуть*, *замолчать*, *умолкнуть* ‘перестать проявляться, обнаруживаться (о рассудке, чувствах)’ [МАС 1: 546, 494] восходят к представлениям о *голосе рассудка* и звучании чувства (*звучать* – ‘обнаруживаться, проявляться в звуках голоса, в пении, в словах и т.п.’ [МАС 1: 603]). См. также литер. *глохнуть* ‘постепенно исчезать; постепенно слабеть, уменьшаться’: «С течением времени народная поэзия теряла свое значение, слабела и глохла» (Добролюбов) [МАС 1: 316], *умолкнуть* ‘перестать распространяться, исчезнуть’: «Никогда не умолкнет слава о двадцати гвардейцах из дивизии имени Панфилова» (Новиков-Прибой) [МАС 4: 494]. Это относится и к явлениям природы, сопровождающимся шумовыми эффектами (как и для двух последних глаголов для их номинаций оказывается релевантным признак уменьшения звука): литер. *затихнуть*, *стихнуть*, *утихнуть* ‘ослабеть в действии, силе; прекратиться’: *буря стихла (утихла)*, *ветер стих* [МАС 1: 583; 4: 268, 533], *утихомириться* ‘ослабеть в силе, в степени проявления или прекратиться, утихнуть, успокоиться’, *ути-*

шиться ‘ослабеть в силе, в действии или прекратиться; утихнуть’ [МАС 4: 533]. Особняком стоит диал. волог. *отихнуть* ‘прекратиться, исчезнуть (о явлениях природы)’: «Бела пена на реке скоро отихнет, ветер меняется» [СРГК 4: 296].

Подведем итоги.

В.Н. Топоров в связи с семантической реконструкцией и.-е. **mer-* ‘умирать’, генетически связанного с **mer-* ‘сверкать, мерцать, мигать’ и понимаемого как исчезновение – выпадение из поля зрения, писал: «феномен исчезновения прежде всего зрительной природы и фиксируется четче и «сильнее» всего визуально; в известных ситуациях есть и другие способы свидетельства об исчезновении, но зрительная форма остается, конечно, наиболее универсальной» [Топоров 1990: 49]. Судя по тому языковому материалу, который был проанализирован выше, можно заключить, что обсуждаемый феномен имеет не только зрительную, но и слуховую природу, при этом объем лексической массы, покрываемой моделями номинации «с участием» зрения и слуха, в целом приблизительно одинаков, а сами модели обнаруживают замечательную симметрию в структурной организации соответствующих кодов.

В то же время внутри зрительного и/или слухового кода признаки номинации вступают в некоторое противоречие друг с другом, тяготея к разным полюсам оппозиций света и темноты, звука и тишины (молчания). С теми смысловыми комплексами, которые попарно составляют левые и правые члены этих оппозиций, связываются разные мотивы исчезновения, в свою очередь, противопоставленные по типу (принципу) осмысления внеязыкового феномена: самого по себе – мотив движения, перемещения в пространстве – и по связи с другими объектами – мотив прекращения существования. В соответствии с этим положительные зрительные и слуховые признаки (наличие света и звука) характеризуют перемещение в пространстве, отрицательные (темнота и тишина, молчание) – прекращение существования. Во втором случае семантика исчезновения оказывается вписанной в более широкое противопоставление жизни и смерти – одно из основных в народной картине мира, – соотносящееся с теми же оппозициями света и темноты, звука и тишины (молчания).

Принятые сокращения

АОС	Архангельский областной словарь. М., 1980–. Вып. 1
Богораз	<i>Богораз В.Г.</i> Областной словарь колымского наречия // Сб. ОРЯС. Т. 68. № 4. 1901
Даль	<i>Даль В.И.</i> Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955.
КДЭИС	Картотека Диалектного этноидеографического словаря русских говоров Среднего Урала (кафедра русского языка и общего языкознания Уральского университета)
КСГРС	Картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского госуниверситета)
МАС	Словарь русского языка: В 4 т. М., 1981–1984
НОС	Новгородский областной словарь. Новгород, 1992–1995. Вып. 1–12
ПОС	Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967–. Вып. 1
СВГ	Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983–. А–Г
СОГ	Словарь орловских говоров. Ярославль, 1989–. Вып. 1
СПГ	Словарь пермских говоров. Пермь, 2000–2002. Вып. 1–2
СПП	Словарь псковских пословиц и поговорок. СПб., 2001
СРГК	Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994–. Вып. 1
СРГМ	Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР. Саранск, 1978–. А–Г–.
СРГСУ	Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964–1988. Т. 1–7
СРГСУ-Д	Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнение. Екатеринбург, 1996
СРДГ	Словарь русских донских говоров. Ростов-на-Дону, 1975–1976. Т. 1–3
СРНГ	Словарь русских народных говоров. М., Л., 1965–. Вып. 1

СРСГО-Д	Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби (дополнение). Томск, 1975. Ч. 1–2
СРФ	Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 1999
ФСРГС	Фразеологический словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 1983
ФСРЛЯ	Фразеологический словарь современного русского литературного языка: В 2 т. Новосибирск, 1995
ЭССЯ	Этимологический словарь славянских языков. М., 1975–. Вып. 1

Литература

Агапкина Т.А. Звуковой образ времени и ритуала // Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999. С. 17–50

Варбот Ж.Ж. К этимологии некоторых русских диалектизмов // Аванесовский сборник: К 100-летию со дня рождения чл.-кор. Р.И. Аванесова. М., 2002. С. 233 – 236

Галинова Н.В. Этимолого-словообразовательные гнезда праславянских корней со значениями ‘гнуть’, ‘вертеть’, ‘вить’ в говорах Русского Севера. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000

Коваль В.И. Восточнославянская этнофразеология: деривация, семантика, происхождение. Гомель, 1998

Левкиевская Е.Е. Голос и звук в славянской апотропеической магии // Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999. С. 51–72

Леонтьева Т.В. Метафора зрительного восприятия в концептуальном поле «Интеллект человека» // Ономастика и диалектная лексика. Вып. 4. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 64–77

НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. М., 1997–. Вып. 1

СД – Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995–. Т. 1

Толстая 1999а – *Толстая С.М.* Обрядовое голошение: лексика, семантика, прагматика // Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999. С. 135–148

Толстая 1999б – *Толстая С.М.* Звуковой код традиционной народной культуры // Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999. С. 9–16

Топоров В.Н. Заметка о двух индоевропейских глаголах умирания // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: (Погребальный обряд). М. 1990. С. 47–52

© Феоктистова Л.А.